

УДК 82.091

ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАДЕТ В РАССКАЗЕ Н.С. ЛЕСКОВА «КАДЕТСКИЙ МОНАСТЫРЬ»

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, кадеты, Н.С. Лесков, русская литература XIX века.

В статье рассматривается рассказ Н.С. Лескова «Кадетский монастырь», созданный на основе воспоминаний выпускника данного учебного заведения. Раскрываются духовно-нравственные ценности кадет, воплощенные в образах директора Первого кадетского корпуса М.С. Перского, эконома А.П. Боброва, врача Зеленского, архимандрита. Это благородные и честные люди, ставившие перед собой общую цель – личным примером воспитать настоящего человека, гражданина.

Рассказ классика русской литературы «Кадетский монастырь» Н.С. Лескова создан на основе воспоминаний видного общественного деятеля, основателя издательства «Общественная польза» Григория Даниловича Похитонова (1810–1882), выпускника данного корпуса. В тексте «Исторического вестника» произведение было снабжено следующей сноской: «Задуманные и начатые мною очерки «трех русских праведных» подали мысль одному почтенному престарелому человеку рассказать мне его школьные воспоминания, интересные для характеристики времени, которого они касаются, и очень дорогие для моей коллекции «трех праведников», которую они сразу восполняют до изобилия. Я тут ничего не добавил, а только записал и привел в порядок» [1, с. 551].

В начале повествования автор сообщает, что не мыслит воспитания без личного примера, и знакомит нас с «игуменом», главным человеком учебного заведения – директором, генерал-майором Михаилом Степановичем Перским. В его образе особо выделяются такие черты, как **преданность своему делу, трудолюбие**: «Он до такой степени был постоянно занят нами и все, что ни делал, то делал для нас, что мы были в этом уверены и тщательно старались подражать ему» [1, с. 373]. Перский был холост, и у кадет сформировалось убеждение, что «он и не женился тоже для нас [...] на шуточные и нешуточные разговоры с ним о женитьбе он отвечал: – Мне провидение вверило так много чужих детей, что некогда думать о собственных, - и это в его правдивых устах, конечно, была не фраза [1, с. 374]. Таким образом, преданность своему делу переходит в настоящее **самопожертвование**. Директор был требователен к себе, понимал свою полную ответственность за результаты работы: Нам вверили их [кадет – прим. Е.П.] родители с четырехлетнего возраста, как вам известно. Следовательно, если они дурны, то в этом мы виноваты, что они дурно воспитаны. Что же мы скажем родителям? [1, с. 379].

В характеристике внешности отмечается, что Перский изящно одевался, держался прямо, имел величавую походку, находился в кадетском корпусе безотлучно, и однажды увидев своего директора на улице, кадеты передавали друг другу невероятное известие о том, что Михаил Степанович прошел по улице. Отмечается находчивый ум и большой такт директора. Перский не применял телесных наказаний, единственное его наказание для кадета ленивого или нерадивого – это устное замечание: «он, бывало, слегка коснется в лоб кончиком безымянного пальца, как бы оттолкнет от себя, и скажет своим чистым, отчетливым голосом: – Ду-ур-ной кадет!..» [1, с. 374]. И это для воспитанников было страшнее сечения, которое практиковалось в то время, «но не за науки, а только за фронт и дисциплину, от заведания коими Перский, как сказано, устранился» [1, с. 375]. Этот факт подчеркивает всеобщее уважение кадет к своему директору.

Несмотря на высокую должность и положение в обществе Перский вел **скромный, аскетичный образ жизни**: «Жил он совершенным монахом. Более строгой аскетической жизни в миру нельзя себе и представить. Не говоря о том, что сам Перский не ездил ни в гости, ни в театры, ни в соборы, – он и у себя на дому никогда никого не принимал» [1, с. 374]. Прислуга директора состояла из одного человека, питался он вместе с кадетами. Обобщая повествование о Михаиле Сергеевиче, автор утверждает, что Перский в некоторой степени стал символом духа кадетства, незапятнанного и доблестного: Он жил и умер честным человеком, без пятна и упрёка; но этого мало [...] у Перского была и доблесть, которую мы, дети, считали **своею**, то есть нашею, кадетскою, потому что Михайло Степанович Перский был воспитанник нашего кадетского корпуса и в лице своем олицетворял для нас дух и предания кадетства» [1, с. 376].

Полным антиподом описанных в рассказе «праведников» выступает назначенный в 1826 году директор всех кадетских корпусов Николай Иванович Демидов, «человек чрезвычайно набожный и совершенно безжалостный». Первым приказом его было отчисление кадет, имеющих наихудшие оценки за поведение и произведение их в низшие чины – унтер-офицеры. Далее новоиспеченный

директор, решив показать свою любовь к воспитанникам, приказал раздать конфеты всем учащимся. Однако кадеты, тяжело переживавшие отчисление товарищей, не приняли угощения и выбросили около пяти пудов конфет в яму: *«Ни один малыш не слукавил и не соблазнился конфеткою: все бросили. Да иначе и нельзя было: дух дружества и товарищества был удивительный, и самый маленький новичок проникался им быстро и подчинялся ему с каким-то священным восторгом. Нас нельзя было подкупить и заласкать никакими лакомствами: мы так были преданы начальству, но не за ласки и подарки, а за его справедливость и честность, которые видели в таких людях, как Михаил Степанович Перский – главный командир, или, лучше сказать, игумен нашего кадетского монастыря, где он под стать себе умел подобрать таких же и старцев»* [1, с. 382].

Второй в повествовании – эконом Андрей Петрович Бобров, не уступавший первому в душевных качествах, такой же *«высоко замечательный человек, а сердцем еще теплее*. Был также холост, а во внешности и манере одеваться был полной противоположностью Перскому – *«он всегда носил один и тот же мундир, засаленный-презасаленный, и другого у него не было. Цвет воротника этого мундира определить было невозможно»* [1, с. 383]. Боброва отличают такие качества, как полное **отсутствие корыстолюбия, кристальная честность**: *«...за сорок лет его [Боброва – прим. Е.П.] экономского служения у него, значит, обратилось до двадцати четырех миллионов рублей, но к рукам ничего не прилипло»* [1, с. 383]. Более того, после смерти эконома выяснилось, что он не оставил ни копейки сбережений, и его хоронили за казенный счет. Автор оставляет интригу, не раскрыв сразу тайны Боброва, куда же он тратил свое жалование за более чем сорок лет службы. Оказалось, Андрей Петрович *«сожалел о бедняках и безродных и хотел, чтобы из них каждый имел что-нибудь приличное, в чем оно ему представлялось. Он давал всем бедным приданое – серебряные ложки и белье»* [1, с. 385]. Бесконечная доброта и любовь к детям выразились во многих фактах рассказа, например, в том, что Бобров непременно заботился о кадетах-арестантах, которых сажали на хлеб и воду, их Бобров докармливал втайне от воспитателей. Обращение к воспитанникам *«мошенники»* не воспринималось кадетами с обидой, наоборот, все понимали, что *«употребляет это слово как шутку, как ласку»* [1, с. 384]. Трогательные встречи выпускников со «старым Бобром» описаны так живо, что вызывают у читателя особый эмоциональный отклик. Добросердечность эконома подчеркивается в рассказе не единожды: *«ужасно трогательный был человек, и сам растрогивался сильно и глубоко. Поэтически мог вдохновлять, и Рылеев написал ему оду...»* [1, с. 384].

Главные герои повествования на личном примере показывали воспитанникам такие качества, как **крепкая дружба** (*«Беспрестанно занятый научною частью, директор Перский совсем не вмешивался в хозяйство, да это было и не нужно при таком экономе, как бригадир Бобров. К тому же оба они были друзья и верили друг другу безгранично»* [1, с. 383]); **согласие в работе, служение во имя единой цели** (*«они все были между собой согласны в том, что нужно для нашей выгоды, и приписываю это именно той их крепкой дружбе в друге уверенности, что ни у кого нет более драгоценной цели, как наше благо»* [1, с. 387]).

Третий герой повествования – корпусный доктор Зеленский, отличный специалист, требовательный в исполнении гигиенических правил. Также был холост, домосед. *«Этот даже превзошел двух первых тем, что жил в лазарете, в последней комнате»* [1, с. 387]. Доктор выбирал пять-шесть кадет из назначенных к выпуску в офицеры, которых знал, отличал за способности и любил, записывал их больными и помещал в лазарете, рядом со своей комнатой, давал им читать книги хороших авторов и вел с ними долгие беседы о разнообразных предметах. Этим «злоупотреблением» доктор пытался восполнить пробел в образовании, вызванный введенным Демидовым запретом книг: *«Добрый и просвещенный человек, каким, несомненно, был наш доктор Зеленский, не мог не чувствовать, как это ужасно, и не мог не позаботиться если не пополнить ужасающий пробел в наших сведениях, то по крайней мере хоть возбудить в нас какую-нибудь любознательность, дать хоть какое-нибудь направление нашим мыслям»* [1, с. 392]. Также врач напоминал кадетам о доброте, о том, что в жизнь необходимо внести как можно больше добрых чувств, что несомненно отразится в поведении и характере.

Четвертый герой, запомнившийся герою – Архимандрит, преподававший в кадетском корпусе религиозные предметы. Он так же, как и врач, старался привить кадетам любознательность, желание учиться: *«всегда нам внушал, что наше корпусное образование очень недостаточно и что мы должны это помнить и, по выходе, стараться приобретать познания»* [1, с. 394].

Кроме описания добродетей представителей старшего поколения, в рассказе описываются установленные правила поведения воспитанников, среди которых первое – **не доносить**. *«На кадетском языке того времени для занимавшихся таким недостойным делом, как пересказ чего-нибудь и вообще искательство перед начальством, было особенное выражение “подъезгозчик”, и этого преступления кадеты никогда не прощали. С виновным в этом обращались презрительно, грубо и даже жестоко, и начальство этого не уничтожало. Такой самосуд, может быть, был и хорош и худ, но он*

несомненно воспитывал в детях понятия чести, которыми кадеты бывших времен недаром славились и не изменяли им на всех ступенях служения до гроба» [1, с. 373].

Наиболее ярко проявились духовные ценности кадет после декабрьского восстания 1825 года, когда когда раненые солдаты бунтовавшего батальона Московского полка укрылись в здании Кадетского корпуса. Кадеты, услышав об этом и увидев раненых, бросились к ним, подняли их на руки и уложили каждого как могли лучше и сделали, как умели, раненым перевязку. Далее они накормили бунтовщиков, для чего, «построившись к ужину, сделали так называемую «передачу», то есть по всему фронту передали шепотом слова: «Пирогов не есть, - раненым» [1, с. 377]. Такие передачи наказанным кадетам руководство корпуса ранее не пресекало, т.к. «маленькое правонарушение служило к созиданию великого дела: оно воспитывало дух товарищества, дух взаимопомощи и сострадания, который придает всякой среде теплоту и жизненность, с утратой коих люди перестают быть людьми и становятся холодными эгоистами, неспособными ни к какому делу, требующему самопожертвования и доблести» [1, с. 377]. В этих поступках проявилось сострадание воспитанников, готовность прийти на помощь, несмотря на возможные неблагоприятные последствия.

Реакция директора кадетского корпуса на поступок воспитанников еще более утвердила молодых людей во мнении, что они поступили правильно, проявив сострадание к беглецам: *Он даже был ласков и тем дал нам повод думать, как будто он одобрил наше ребячье сострадание* [1, с. 374]. Вскоре после описанных событий в корпус пожаловал сам государь Николай Павлович, узнав о том, что кадеты помогли бунтовщикам. То, как держался перед ним Перский, подчеркнуло сильный характер директора, не заискивающего перед высоким государем, что отразилось в авторских ремарках «*отвечал полным и спокойным голосом*», «с тем же неизменным спокойствием возразил, глядя открыто в лицо государя». Перский на недовольство государя ответил: «*Они так воспитаны, ваше величество: драться с неприятелем, но после победы призывать раненых, как своих*» [1, с. 376].

Подводя итог повествованию о директоре, экономе, докторе, архимандрите Первого кадетского корпуса, автор отмечает, что «*такие люди, стоя в стороне от главного исторического движения, [...] сильнее других делают историю*» [1, с. 398]. Таким образом, в рассказе Н.С. Лескова описаны такие духовно-нравственные качества героев как честность, доблесть, скромность, просвещенность, доброта, сострадание, самопожертвование и чувство долга. Кадеты, видя пример безукоризненного служения, формировали свои духовно-нравственные ориентиры, становясь достойными гражданами своего Отечества.

Литература

1. Лесков, Н.С. Избранные сочинения / Ред. кол.: Алексеев М.П. и др.; Вступ. статья, сост. и примеч. П. Пустовойта. – М., Худож. лит 1979. – 558 с.

E.S. Pivavar, A.I. Lagun, M.A. Sintarava,
Vitebsk cadet school
e-mail: mrs.pivavar@gmail.com

Spiritual and moral values of cadet in the story of N.S. Leskov «Kadetsky monastery»

Key words: spiritual and moral values, cadets, N.S. Leskov, Russian literature of the XIXth century.

The article considers the story of N.S. Leskov "Cadet Monastery", created on the basis of the memoirs of a graduate of this educational institution. The spiritual and moral values of the cadet are revealed, embodied in the images of the director of the First Cadet Corps M.S. Persky, the housekeeper A.P. Bobrov, the doctor Zelensky, the archimandrite. These are noble and honest people who have set a common goal – to educate a real person, a citizen by personal example.

А.М. Пісарэнка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў
e-mail: kaffiloll@mail.ru

УДК 821.161.3-1.09:929 Разанаў+75.049:[929:75(73)Эрл]

ФІЛАЛАГІЧНАЕ ЭСЭ ПРА «СІНІ ТУМАН» У ПАЭЗІІ І Ў ЖЫВАПІСЕ: СУПАСТАЎЛЯЛЬНЫ АНАЛІЗ ВОБРАЗАЎ АЛЕСЯ РАЗАНАВА І ЭЙВІНДА ЭРЛА

Ключавыя словы: мастацка-выяўленчы вобраз, магічны рэалізм, жывапіс, літаратурна-мастацкі вобраз, паэзія, эпітэт, гукавобраз, сімвал.

У артыкуле ў супастаўляльным аспекце раскрываецца эстэтычная вартасць вобраза сіняга туману на матэрыяле карціны Эйвінда Эрла і версэта Алеся Разанава. Вызначаная намі мастацка-